

Липкин А.И.

Субцивилизационная специфика США. 2. Специфические формы американского индивидуализма и коллективизма¹

Аннотация: В предыдущей статье была высказана гипотеза, что США представляют собой субцивилизационную общность, которая отличается от европейской специфической формой американского индивидуализма. В этой статье мы рассматриваем, во-первых, специфические формы американского коллективизма, существующего на двух уровнях: на микроуровне различных общин и клубов в виде американской «буржуазной общины», и американские демократические институты на макроуровне страны; во-вторых – три формы американской личности, задающих национальную специфику США и сравниваем отвечающие им формы индивидуализма с европейскими аналогами с целью уточнить субцивилизационную специфику США. В-третьих, проводится сопоставление американских и российских форм индивидуализма и коллективизма. В работе используется сравнительно-исторический анализ с использованием ранее разработанной системы понятий, в центре которой находятся понятия цивилизационной, субцивилизационной и национальной общностей, формирующихся вокруг соответствующего «культурного ядра». Вводится понятие «буржуазной общины» сильно контрастирующее с характерной для российского народнического дискурса понятием «общины», прообразом которой служила «крестьянская община». Дается концентрированное изложение становления американских демократических институтов на макроуровне. Выделяются и анализируются три типа американской личности, отражающие специфику трех регионов США: Новой Англии, Юга и Запада. Дается сравнение типов коллективности и личности в США и России, а также направленности их культур (степени прагматизма и идеализма).

Ключевые слова: США, Европа, Россия, Этнический, индивидуализм, субцивилизация, нация, буржуазная община, личность, фронтитр.

Review: In the previous article a hypothesis was proposed that the United States is a subcivilizational community, which is different from Europe by the specific form of American individualism. In this article we consider, first, the specific forms of collectivism, existing on two levels: at the micro level in the various communities and clubs as an American "bourgeois community" and American democratic institutions at the macro level of the country. Secondly, the three forms of American individuality, specify the national specifics of the United States and compare them with a form of individualism with European counterparts to clarify the subcivilizational specifics of the United States. Thirdly, a comparison of American and Russian forms of individualism and collectivism. There is used the comparative-historical analysis using previously developed system concepts, in the heart of the concept are notions of civilization, subcivilization and national communities, emerging around the "cultural core". There is introduced the concept of "bourgeois community" contrasting with the characteristic for the Russian "narodnik" discourse the notion of "community", a prototype of which was "peasant community". A concentrated presentation of the development of American democratic institutions at the macro level is done. There is identified and discussed three types of American identity, reflecting the specificity of the three regions of the United States: New England, the South and the West. The comparison of types of collectivity and identity in the United States and Russia, as well as the focus of their cultures (degree of pragmatism and idealism) is done.

Keywords: Bourgeois community, nation, subcivilization, individualism, ethnic, Russia, Europe, USA, individuality, frontier.

¹ Эта статья, как и предыдущая [8], где ссылка на грант потерялась по техническим причинам, выполнена при поддержке гранта РГНФ проект 14-03-00687 («Динамика взаимоотношений науки, техники и общества в США и России на протяжении XX века»).

Американский коллективизм Микроуровень: американская «буржуазная община»

Эмиграция и заселение новых земель определили многие черты не только американского индивидуализма, но и ряд характерных черт американского коллективизма.

Тяжелые условия переезда и жизни на материке, где в одиночку выжить было практически невозможно, приводили к тому, что и в пуританской Новой Англии, и на плантаторском Юге, и на «диком Западе» воспроизводился особый тип сообществ, состоящих из *дорожащих своей независимостью индивидуалов* (хозяев своей жизни), постоянно решающих многие дела коллективно. В отличие от российской крестьянской общины с ее коллективными формами труда, собственности и жизни, «буржуазная община» была основана на *индивидуальных формах собственности, труда, успеха*. Именно она стала основной ячейкой общества.

Эта сторона американской культуры, как правило, оказывается в тени. «Среди всех американских мифов, – говорит американский историк Д. Бурстин, – нет более живучего, нежели миф об одиноком скитальце, идущем на Запад... Дух пионерства, твердят нам, синонимичен «индивидуализму»... Да, конечно, иногда случались и одиночки-путешественники... (Однако) человек мог безопасно пересечь дикий континент только вкупе с другими». «Повсеместно первопроходцы Запада считали совершенно естественным и путешествовать, и жить общинами... (Ибо существовала) постоянная необходимость выставлять на ночь посты на случай нападений индейцев и для присмотра за скотом, чтобы не разбежался». «В период между Американской революцией и Гражданской войной те, кто, подобно отцам-пилигримам, отрывался от обжитых территорий далеко на Запад, редко уходили туда в одиночку.... В те годы, когда складывались основы американского образа жизни, многие... из тех, кому предстояло первым осваивать территории за пределами обжитых районов Атлантического побережья, отправлялись в путь группами. И это обстоятельство оказалось одним из ключевых в формировании американских институтов» [2, с. 69-71, 73, 74].

В сообществах, которые люди не только сами выбрали, но и *сами создали*, и сами защищали и охраняли, естественным отношением к законам было отношение к ним как «неиз-

бежно несовершенным», что характерно для любого учреждаемого людьми института, «но несовершенство законов отнюдь не извиняет того, кто решил воспользоваться им для унижения и угнетения своих собратьев» [2, с. 101, 102]. При этом «должностные лица избирались лишь по мере надобности и утрачивали полученные полномочия, как только надобность в них отпадала... Преступности почти не знали, ибо наказание было неотвратимо» [2, с. 114]. Благодаря этому, полагает Бурстин, «переселенцы процветали под сенью закона собственных клубов, спонтанно порожденных их общинами, отрицавшего формальность в пользу реальной справедливости» [2, с. 102].

Образцом создания таких сообществ и утверждаемых ими законов «служил опыт пилигримов, высадившихся в Плимуте в 1620 г... Они оказались общиной без правительства... Они установили новую форму правления, заключив Мэйфлауэрский договор» [2, с. 87, 88]. Это соглашение было заключено первопоселенцами Новой Англии 11(21) ноября 1620 г. перед тем как они покинули доставивший их на место корабль «Мэйфлауэр». Сутью его были «привилегия выражать свои собственные мнения и привилегия управлять с помощью законов, составленных по собственному разумению» [18, р. 310-311]. Он заключался повсеместно. В качестве иллюстрации Д. Бурстин приводит типичное описание механизма формирования общины, датированное 1842 г., т.е. отстоящее на 200 лет от Мэйфлауэрского договора: «Стоило лишь нескольким дням пути отдалить нас от родных мест, где царили порядок и безопасность, как «американский характер» проявил себя во всей красе. Все были преисполнены решимости командовать, но никак не подчиняться. Вот мы и очутились в состоянии полного хаоса – без закона, без порядка и без поддержки!» «В разгар этой сумятицы... наш капитан и предложил «встать на якорь», разбить лагерь и разработать кодекс правил для дальнейшего управления нашей компанией (состоящей из 160 человек. – А.Л.). Предложение получило мгновенную поддержку, ибо в роли законодателя предстояло выступить каждому» [2, с. 108-109].

Макроуровень: государственные демократические институты

Американские «буржуазные общины» разного типа образовали микроструктуру американского общества, над которой выросла

специфическая *макроструктура* американских политических институтов, которая имела несколько особых источников.

Одним источником служила британская политико-правовая культура. «Американские законы выросли из общего права Англии, – пишет американский историк М. Лернер, – ...Фундаментальные американские государственные институты и политические идеи, включая представительное правительство, ограниченные права государства, право на протест, традиционное уважение к гражданским свободам и неколебимый индивидуализм – все это в основном было принесено из Англии и стало органической частью американского сознания еще в эпоху..., когда... Америка все еще входила в Британскую империю.... Американцы без колебаний переняли у англичан пиетет перед силой договора и перед частной собственностью. Плюрализм протестантских религиозных сект в Америке, их уважение к индивидуальному пониманию Библии и к свободе веры также вдохновлялись британской традицией. То же можно сказать и о структуре мелких городков, о сложном устройстве местного самоуправления, о частных школах, о колледжах, обычаях благотворительности, о густой сети добровольных ассоциаций, корпораций и профсоюзов» [5, с. 31].

Другой американский историк С. Парсонс на первое место ставит более конкретный источник – английскую корпорацию. Он утверждает, что *уникальная макроструктура* американских политических институтов «была выведена главным образом из корпорации, а не британской политической традиции. Трудно вообразить, – говорит он, – какую-либо другую систему столь гибкую и адаптивную для крайностей пограничного существования» [17, р. 34]. Образцом для других английских колоний стали колонии Вирджинии и Массачусетса – Вирджинская Компания Лондона и Компания Массачусетского залива. Особенно показательна, по его мнению, последняя, которую он описывает так: «В 1629 г. группа богатых пуритан получила право регистрации для «Компании Массачусетского Залива» (the Massachusetts Bay Company) с намерением использовать Компанию как инструмент для основания колонии. Пуританская эмиграция была т.о. технически организована как рискованное предприятие ... Компания принадлежала акционерам, которые ежегодно собирались на «Общее Собрание» (the «Great and

General Court») для выборов управляющего и совета директоров.... Свободная от жесткого внешнего контроля Компания функционировала как фактически суверенное политическое образование. Управляющий Компании... превратился в управителя политической жизни. Директора функционировали как совет управляющего. «Общее Собрание» стало колониальным законодателем. А свободный человек (переселенец, заключавший договор с Компанией) становился гражданином с привилегией права голоса ...» [17, р. 33-34].

Важнейшей составляющей демократических институтов являются законы. Их формирование здесь шло двумя путями в рамках двух традиций – религиозной пуританской и светской просвещенческой. «Верховенство законов Бога было, без сомнения, фундаментальным пуританским политическим положением, – пишет он. – Все социальные и политические институты и вся практика мерились в терминах эффективности продвижения к реализации этого закона на земле». Но Писание молчало по поводу многих вещей. Поэтому при строительстве государства пуритане, где могли, опирались на Писание, а где это не получалось, – на собственный разум или природу. «Но независимо от источника закона все люди – должностные лица или граждане – становились его субъектом. Идея, что существует фундаментальный закон во вселенной..., который должен быть найден в *откровении или разуме, или природе*, была предназначена играть долгую и важную роль в американской мысли». Полученный в рамках пуританской линии результат легко согласовывался с идеями Просвещения: «только заменив синонимы – договор вместо завета – его (пуританского авторитета Джона Коттона – А.Л.) выражения могли бы отлично подойти перу Джона Локка или Томаса Джефферсона» [17, р. 36-37].

Однако, как показывает другой американский историк А.М. Шлезингер, в формировании государственной структуры эти две линии – пуританская новоанглийская и светская виргинская – имели разную направленность.

Светская линия южан исходила из знания истории и конструировала Конституцию и государственные институты, относясь к этому как к необходимому, но рискованному эксперименту. Штудирование трудов историков классической древности, Макиавелли, опыт падения древнего Рима – все говорило, «что все республики существовали и гибли из-за

собственной добродетели, и что, в конечном счете, власть и роскошь неизбежно вели к загниванию и упадку.... Авторы «Федералиста» (журнала, вокруг которого объединились идеологи будущих США – А.Л.) были «глубоко обеспокоены неудачами и дурной репутацией единственной формы правления, которая была возможна для них». Отцы-основатели, – пишет А.М. Шлезингер, – были твердо убеждены, что предпринимают нечто невероятное... В своей первой речи при вступлении в должность Вашингтон так определил предназначение Америки: «Сохранение священного огня свободы и судьба республиканской модели правления справедливо считаются глубочайшим и конечным образом зависящими от эксперимента, доверенного рукам американского народа... Прислушиваться к спекулятивным рассуждениям в таком деле преступно... Оно вполне заслуживает полного и честного эксперимента... В ранний период республики доминирующей была идея о том, что Америка – это эксперимент, предпринятый вопреки истории, чреватый риском, проблематичный по результатам» [15, с. 19–20, 25, 27, 28].

От колонистов Новой Англии исходила другая идея – отождествление Америки с Новым Иерусалимом, с «Градом на Холме». Лидер новой общины основателей колонии в Массачусетском заливе в 1630 г. Джон Уитроп проповедовал: «Будем подобны Граду на Холме, взоры всех народов будут устремлены на нас...». «Говоря словами Уитропа, Бог «... оставил Америку для тех, кого он наметил избавить от своей всеобщей кары, так же как он однажды послал ковчег для спасения Ноя. ... Америка – реальное воплощение божественного пророчества. Обещание спасения, похоже, было переадресовано от евреев к американским колонистам» [15, с. 30]. Т.о., с самых ранних лет существования страны вопрос о ее будущем органично связывался с верой в «особое предназначение Америки» [1, с. 11-12].

«В XVIII в. это положение, как и идея первородного греха, претерпело процесс секуляризации» [15, с. 30]. Если в 1620–1660 гг. доминировало религиозное мышление, то в 1740–1812 гг. на фоне возрождения религиозного пафоса у низов общества, в верхах общества происходит становление американского Просвещения, в рамках которого и происходит идеологическая консолидация правящего класса – джентри и переход к идее государства, а не церкви, как структурирующей основы общества. Демократическая идеология от-

тачивалась у аристократов Юга [17, р. 138-177]. Продолжая эту линию, юный Генри Мелвилл (1819–1890) писал: «Мы, американцы – особые избранные люди, мы – Израиль нашего времени; мы несем ковчег свобод миру... Бог predetermined, а человечество ожидает, что мы совершим нечто великое; и это великое мы ощущаем в своих душах... “Америка единственная идеалистическая нация в мире”, – заявил Вудро Вильсон... в 1919 г... “История и наши собственные достижения, – провозгласил президент Джонсон в 1965 г.. – возложили прежде всего на нас ответственность за защиту свободы на Земле”... (Однако) это обманчивое видение, – говорит А. Шлезингер, – привело страну от первоначальной идеи об Америке как о подающем пример эксперименте к новой идее – Америке в качестве *предназначенных человечеству судьи, присяжных заседателей и исполнителя приговора в одном лице*» [15, с. 31, 32, 32-33] (думаю, что именно это мы сейчас и наблюдаем в американской внешней политике).

Так исторически с самого начала были заложены специфические формы индивидуальной самостоятельности и общественности американцев на микро- и макро- уровнях. На этой почве и произросла американская демократия.

Важной особенностью этой демократии была идея государства как «необходимого зла», выполняющего служебные функции (в России, наоборот, в центре всегда были не люди, а государство). Всем было очевидно, что государственную машину делали, как могли, сами люди, и поэтому она не могла быть совершенной. Эта идея присутствовала у южан, она была присуща пуританам Новой Англии, которые рассматривали государство как необходимое зло (как следствие первородного греха), она была ярко представлена на «диком западе». Это имело место и при образовании переселенческих общин, и при создании городов. «Было в порядке вещей сначала складываться обществу, а затем уже формироваться правительству... (которое) носило функциональный характер... Они просто объединяли усилия, дабы обеспечить себя водопроводом, канализацией, тротуарами, улицами, мостами и парками. Они основывали медицинские школы, университеты и музеи... Новоявленное городское правительство... всего лишь служило инструментом, действующим и на личное, и на общее благо одновременно» [2, с. 159-161]. В политическом сознании Америки господствует принцип приоритета об-

Культура и цивилизация

щины (микрообщества) над правительством. Это обусловлено тем, что именно в описанной выше специфической американской общине (формами которой являются разнообразные и многочисленные клубы и сообщества) личное и общее благо тесно переплетаются. «Первоначально оно (общество Новой Англии) состояло из группы общин, каждая из которых организовалась вокруг соответствующего религиозного братства... Братство (congregation) представляло собой абсолютно автономное тело» [17, р. 25]. То же имело место и на frontier.

Эти общины были и важнейшим средством поддержания морали. Т.е. необычайно сильное в Америке «гражданское общество» было заложено с самого начала и вытекает, как и американский индивидуализм, все из того же источника – исходного процесса эмиграции и заселения материка.

Американский коллективизм, как и описанный в предыдущей статье американский индивидуализм мы относим к *субцивилизационной специфике США*.

С другой стороны, США, в отличие от ЕС, представляют *национальную* общность, образуемую вокруг национального «культурного ядра», состоящего из «национальной истории» и «национальной литературы и искусства», где представлены различные национальные типы личности (в каждой нации их обычно несколько) [6]. Действительно, субъектом истории являются США в целом, а не отдельные штаты. У штатов есть своя специфическая региональная история, но предмет личного переживания, что является атрибутивным качеством национальной истории, в первую очередь, является история США. То же можно сказать о литературе и искусстве (особую роль в американской национальной культуре занимают мюзикл и кинематограф), где представлены различные американские типы личности, к рассмотрению которых мы и перейдем.

Внутри этого субцивилизационного и национального единства часто весьма четко просматриваются общности, выделенные страной, из которой произошли эмигранты первого поколения. Полагаю, что они отвечают *этническому* типу общности, характеризующемуся эндогамией, бытовой культурой и памятью о родине предков, играющей роль коллективного мифа и основанной на этом коллективистской по своей сути границе «свой / чужой» (резко обостряющейся в слу-

чае националистических движений) [6]. Но эта граница в США смягчена высокой степенью индивидуализированности общества. В силу этого в конце XX в. эти этнические сообщества становятся в один ряд с многочисленными культурными коммунитаристскими сообществами постмодернистского типа, которые интенсивно формируются в это время на разнообразной основе в США, как и в Европе [4]. Этот процесс приводит к переходу национальных сообществ в «мультикультурное» состояние (политикой учета этой мультикультурности во многих странах Запада становится политика «мультикультурализма») [7]. Здесь можно говорить о последовательно включенных друг в друга общностях: западной цивилизационной, американской субцивилизационной и национальной, в которую вписаны этнические и коммунитарные. Последние бесконфликтно вписываются в национальную и субцивилизационную общности, поскольку формируется в другом социокультурном слое. Правда мультикультурность, по-видимому, ведет к некоторому ослаблению национального единства.

Характерной особенностью этой «мультикультурности I» является то, что она не конфликтует с базовыми цивилизационными и субцивилизационными западными ценностями. Ситуация принципиально меняется на границе тысячелетий, когда в Европе начинает заявлять о себе второе поколение массовой иммиграции 1960-х из исламского мира. В результате этого возникает «мультикультурность II» – мультикультурность принципиально иного типа, которая конфликтует с базовыми цивилизационными и субцивилизационными ценностями [7]. В США аналогичная волна иммиграции носит, главным образом, латиноамериканскую окраску.

Этим вызовам в их американском варианте посвящена книга видного американского представителя цивилизационного подхода С. Хантингтона «Кто мы?» [14]. С нашей точки зрения, в этой книге он выступает не столько как культуролог, сколько как консервативный идеолог, противопоставляющий вызванной массовой волной иммиграции наступлению мультикультурности идеологию WASP (английская аббревиатура от 'белый протестант англо-саксонского происхождения'). Часть из указанных им черт вошла в наше описание, главным образом в новоанглийской компоненте, но в целом, изображенная нами картина существенно отличается от его. Это связано

с тем, что нас интересовало субцивилизационное отличие США от Европы (и, неявно, от России), а С. Хантингтона – национальная идентичность и возникшие перед ней современные вызовы со стороны «мультикультурности». Интересующая нас цивилизационная тема у этого крупнейшего представителя цивилизационного подхода в этой книге представлена разве что в акценте на протестантизм, но в отличие от Хантингтона, мы полагаем, что для западной цивилизации, куда по культуре относятся и США, и Россия, светские составляющие более значимы, чем религиозные.

В данной статье нас интересуют, во-первых, субцивилизационные и, во-вторых, национальные особенности США, на рассмотрении которых мы и сосредоточимся далее.

Три типа американской личности и три модификации американского индивидуализма

Фермерская Новая Англия, плантаторская Виргиния и «Дикий Запад» с его феноменом «фронтира» (*frontier* – граница) дают три типа американской личности, которые, с одной стороны, будучи представлены в американской литературе и кинематографе, задают национальную специфику США. С другой стороны их можно рассматривать как три модификации американского индивидуализма, представляющего субцивилизационную специфику США. Как было показано в предыдущей статье, эта специфика определяется идеалами «*self made man*» и «американской мечты», дополненными культурами успеха и соревнования. Поэтому проводимый ниже анализ будет содержать два плана: национальный и субцивилизационный.

Последний оттеняется сравнением американских форм индивидуализма с «рыцарской» и «бюргерской» формами европейского индивидуализма, рассмотренных в более ранних работах [9; 10]. В указанных работах к рыцарским идеалам и принципам отнесены: верное служение, честь, жажда подвигов, завоеваний, побед, стремление к первенству, славе, удаче, граничащая с безрассудством, щедрость, идеалы благородства, связанные с защитой слабого, личной свободой и достоинством (квинтэссенцией последнего является принцип «сам себе право» и сам себе защита этих прав ярко выраженный в культе дуэли), культом Дамы. В противоположность «идеальному рыцарю», бюргерам присущи

реализм, рассудительность, ограниченность и приземленность интересов, трезвый практический взгляд на мир, житейская мудрость, практическая сметка, жизнелюбие, но также особое чувство **свободы** – гражданской свободы подчиняться закону (а не лицу), предполагающее самоуправление.

Первый по распространенности тип американской личности демонстрирует *американский фермер*. Как тип индивидуализма, образец которого дала Новая Англия, очень близок европейскому *бюргеру*. Американский фермер – специфическое явление, это обособившийся на земле буржуа. «В основе мироощущения фермера, – пишет М. Лернер, – всегда лежал яростный индивидуализм... Индивидуализм фермера коренится в том факте, что в любом случае он остается предпринимателем-одиночкой: непосредственность труда и вознаграждения за труд... на семейной ферме проявляются столь же очевидно, сколь и в мелком ремесленном производстве... Американский фермер всегда тяготел к жизни в одиночку, на своей земле... Фермерские хозяйства были значительно отдалены друг от друга, общими были школа в одну комнату, где учились дети, и церквушка на открытом месте» [5, т.1, с.183, 184]. Надо сказать, что, несмотря на мощные процессы урбанизации и иммиграции конца XIX – начала XX вв., идеал фермера выжил (на это указывает состав Конгресса США: – американцам импонируют кандидаты – выходцы из провинциального фермерского поселка).

Более «рыцарскими» выглядят идеалы, связанные с феноменом «фронтира» (*frontier*). Под последним обычно понимают движение на Запад с целью освоения новых земель. «К концу прошлого (XVIII) столетия, – пишет А. де Токвиль, – предприимчивые искатели приключений начали проникать в долину Миссисипи. Это Движение (на Запад – А.Л.) стало как бы новым открытием Америки, и вскоре туда хлынуло большое число эмигрантов; из пустынных необжитых мест стали вдруг доходить вести, что там появились какие-то неизвестные общины. Штаты, которых не было и в помине всего несколько лет тому назад, прочно заняли свое место в американском Союзе» [13, с. 59]. Это движение в силу своей стремительности в XIX в. получило название «земельной лихорадки». Аналогичную форму принимали и следовавшие за ней «золотая лихорадка» и «мясная лихорадка», которые тоже происходили на Западе (к этому списку можно добавить «нефтяную ли-

хорадку» и, возможно, компьютерную). Поэтому расширим понятие «фронттира», включив туда все эти «лихорадки» и будем понимать под феноменами фронттира и «лихорадки» явление, когда масса американцев бросается в поисках удачи на том или ином новом рискованном, но сулящем быстрый и крупный успех, поприще.

Идеализация феномена «фронттира» породила романтические образы благородного индейца и благородного пионера-белого, а также благородного ковбоя. «В центре континента, – пишет Д.Бурстин, – сложился новый тип человека – homo Americanus – определяемый, скорее, не столько средой обитания, сколько своей *мобильностью*. Этот тип человека преобладал в стране в период от американской революции до Гражданской войны... Многие черты новой нации сложились именно среди этих американцев, продвигавшихся от побережья вглубь континента...» [1, с. 68].

Образы благородного индейца и благородного белого «пионера» связаны с «земельной лихорадкой» XIX в. Они появились в 1823 г. в романе Фенимора Купера «Пионеры» (из того же источника возник романтизированный образ природы, в Европе первая волна романтизации относилась скорее к истории, чем к природе, но в США не было истории, поэтому там памятники природы – заповедники – играют роль во многом аналогичную роли исторических памятников в Европе). Реальная жизнь и индейцев, и белых на фронттире была не столь романтична. Фрэнсис Паркмен (1823–93), который называл себя историком «американских лесов и американских индейцев в ту пору, когда они были уже окончательно обречены», застал индейцев совсем разобщенными, «живущими немногим лучше скотов». А если брать более ранний период, то мы найдем в его описании «все эти пожары, грабежи, летящие томагавки, плененные жертвы, размозженные детские головки, поджаривание на костре, закапыванье живьем и богатый арсенал пыток. Сейчас уже ясно, что изрядная доля этого варварства имела место в действительности». Столь же непривлекательна и жизнь белых завоевателей: белые в зоне фронттира тоже представляли собой «мужичье, такое же неотесанное, тупое и злобное, как их любимые свиньи». Однако, «поколение после Паркмена с запозданием пыталось восстановить справедливость в отношении индейца и его культуры, – пишет М. Лернер. В результате ... литература Запада и Юго-Запада породила величественную фигуру, на-

много превосходящую реальный прообраз». Источником этого образа стали облагороженный образ индейца, заданный Ф.Купером и его продолжателями (в XX в. характерная для Европы мода на магию в Америке сконцентрировалась вокруг образа индейцев). «Лишь к тому времени, когда индейцам грозило уже полное уничтожение, в сознании белых поселенцев начал формироваться их новый образ. Поколение Фенимора Купера приняло нарисованный им портрет индейца... Вот так, уже после своей гибели, эта культура возродилась в виде героического символа... Чувство вины, охватившее некоторых американцев, породило новую волну романтизации этого образа» [5, т.1, 24–25]. Такое облагораживание и романтизация исторического образа – типичное явление национальных литературы и истории, главная цель которых не отразить то, что было, а создать новую реальность.

Сменившая «земельную» «золотая лихорадка» была затем романтизирована Джеком Лондоном. Его герои обладали многими чертами «пионеров» Ф.Купера. Но многое их роднит и с образами ковбоев.

Образ ковбоя, отстаивающего свою независимость кулаком, кольцом и умением держаться в седле (образ, сохранившийся в современных американских боевиках-мультфильмах, где среди боевых роботов, лазерных пушек и прочих чудес техники XXI века кулачная драка, бешеные гонки, и аналог кольца всегда находят себе место), был порожден «мясной лихорадкой».

«Эта лихорадка преобразовала почти весь Запад, сформировала американский стол и создала самые выдающиеся американские обычаи и героев фольклора, ковбоя в том числе... – пишет Д.Бурстин. – Как гласит легенда, когда-то перед концом Гражданской войны снежная буря застигла правительственный караван тяжело нагруженных буйволов, двигавшихся через северные равнины Восточного Вайоминга. Погонщик, которому пришлось бросить караван, вернулся весной посмотреть, что стало с грузом. Вместо ожидаемых скелетов он нашел своих буйволов живыми, тучными и здоровыми... Кто бы мог вообразить сказочную траву, которой не нужно дождя, а скот может всю зиму ею кормиться? Но удивительные дикие травы Запада были именно такими. Они обладали необычайно благоприятными свойствами и качественно превосходили травы, которые выращивали на Востоке... Да и скот на Западе имел собственные удивитель-

ные достоинства. Порода тexasских логхорнов началась в Испании... К началу XVIII в. одичали тысячи отбившихся от стада голов скота..... Техасцы стали считать их местными дикими животными... Дикие коровы Техаса... по мнению опытного охотника, были «в пятьдесят раз опаснее для пешего охотника, чем самый неистовый буйвол»... После освобождения Техаса такие животные водились по всему штату. Благодаря этим коровам и возникли ковбои». «Животные, откормленные на диких травах прерий, могли прибавить четверть своего веса за несколько месяцев» [3, с. 12-14, 18]. В результате этого стоимость мяса на Западе была в десятки раз ниже, чем на востоке. Это породило деятельность по перегону масс откормленного скота на Восток, деятельность чрезвычайно трудную и опасную, описываемую в классическом вестерне. Эти трудности и опасности, как и в других местах, вели к организации микросообществ. Этот процесс был похож на то, что происходило до этого в связи с земельной и золотой лихорадкой.

Отметим, что между ковбоем и европейским рыцарем имеется существенное сходство: и тот, и другой связаны с военной доблестью, личной свободой и с принципом «сам себе право и сам себе защита этих прав». Однако между ними есть существенная разница: рыцарь, конечно, стремился быть первым, превосходить других, в частности на турнире, но «во главе угла» рыцарь ставил подвиг. У ковбоя главное – успех, т.е. победа в соревновании. Этот момент сближает его с идеалами европейских бюргеров.

Другую форму рыцаря с изрядным бюргерским привкусом демонстрирует *плантаторский Юг*. В Виргинии образцом служил английский сельский джентри-помещик» [1, с. 355]. Его отличительными чертами, согласно американскому историку Д. Бурстину, были «кодекс чести», включающий культ дуэли, высокомерное отношение к торгашам-янки и соответствующий образ жизни. Перед переселившимся в XVII и XVIII столетиях в Виргинию англичанином из среднего класса «открывалась перспектива стать землевладельцем английского типа, хотя и в совершенно новом, американском духе... В Англии XVII века любой преуспевающий торговец стремился стать помещиком... Многие влиятельные виргинские семейства ведут свое начало от простых торговцев или ремесленников – людей чрезвычайно талантливых, преуспевающих и удачливых; завладев обширными

землями, они скоро смогли обеспечить себе стиль жизни, вполне подходящий сельскому джентльмену («с 1680 г. в колонию во все возрастающем количестве стали ввозить негров-рабов...; негры-рабы вытесняли белых договорных работников... потому в начале XVIII в. для большинства неимущих белых иммигрантов Виргиния стала лишь перевалочным пунктом... собственниками земли становились не более пяти процентов новопривывших поселенцев. Большинство же семейств, которым предстояло править Виргинией позже в этом же столетии... заложили основу своих состояний уже давно: полученными до 1700 г. обширными земельными наделами») [1, с. 123, 124, 128]. Виргинский «преуспевающий плантатор... должен был оставаться торговцем, все время ищущим сферу приложения своего капитала (это роднит его с предпринимателем современного постиндустриального общества. – А.Л.) ... Каждый богатый плантатор имел собственную пристань. Табаковод грузил бочки со своей продукцией с собственного причала на борт судна, отправлявшегося к его личному агенту в Лондоне. Импортный товар он также принимал в своем собственном порту» (пользуясь наличием множества рек) [1, с. 131-133]. «Виргинская плантация больше походила на современный перенесенный в XVIII век «город при компании» (это обусловило отсутствие в виргинской колонии больших городов [1, с. 132-133]. – А.Л.), чем на идиллическую деревню, – писал А. де Токвиль в 1830-х гг. – чтобы править этим маленьким миром сельского хозяйства, торговли и ремесла, требовалось обладать крепкой деловой хваткой и большим запасом практических знаний. Широта и универсальность ... были свойственны многим богатым и преуспевающим виргинским плантаторам XVIII в.: они интересовались естествознанием, достаточно хорошо разбирались в медицине и в механике, ориентировались в метеорологии и считали своим долгом знать юриспруденцию... Порожденная всеми этими условиями каста людей, хотя и имела достоинства чисто американские, в основе своей все же оставалась аристократически-элитарной...» [1, с. 135]. «Крупные земледельцы, жившие к югу от Гудзона, представляли собой высшее сословие, которому были свойственны особые убеждения и пристрастия и которые становились в центре политической жизни общества. Это была весьма своеобразная аристократия, мало отличавшаяся от основной

Культура и цивилизация

массы населения, чьи интересы и вкусы она легко воспринимала, не возбуждая ни у кого ни любви, ни ненависти... Именно этот класс и возглавил на Юге восстание: Американская революция обязана ему своими самыми великими людьми» [13, с.57]. А вот как описывает быт и стремления южанина того времени современный исследователь Д. Бурстин: «Как и английский, виргинский провинциальный джентльмен ездил в карете, ел с серебра, снабженного вензелями, утвержденными английской Геральдической коллегией, разбирал в качестве мирового судьи дела,... читал книги подходящие джентльмену, и даже сдабривал свою речь или письмо греческой или латинской ссылкой... Новые Виргинские порядки удивительно походили на староанглийские». При этом Виргинские джентльмены, «являющиеся в своем лице пример и образец бдительности, предусмотрительности и прилежания, не должны спать безмятежным сном под сенью своего благополучия. Ибо сказано, что люди высокого положения трижды слуги: слуги Монарха, или государства, слуги Славы и слуги Дела». «Пора расцвета табачной аристократии в Виргинии.... совпала с периодом юности почти всех виргинских вождей Революции... Полностью раскрывшиеся в Революцию побуждения и образ действий людей, ее совершивших, начали формироваться... столетием раньше в условиях каждодневной жизни Виргинии... Чисто аристократические добродетели... питали корни американской представительной формы правления... Никогда еще правящий класс не относился к своим общественным обязанностям с большей серьезностью: власть обязывала управлять» [1, с. 136, 138].

Однако в период между Революцией и гражданской войной, этот класс, с одной стороны, все больше походил на европейское дворянство, с другой стороны, он все более застыл в традиции и терял характерные для американцев черты динамизма и готовности к неопределенности. После Гражданской войны и последовавшей за ней интенсивной индустриализации этот тип индивида был в значительной степени вытеснен на периферию американской жизни, но в национальной истории и литературе он оставил значительный след.

Говоря об американской аристократии, для полноты картины стоит упомянуть о другом ее типе – об интеллектуальной аристократии Новой Англии. Оттуда происходили

многие известные литераторы и интеллектуалы, такие как Ральф Эмерсон, Генри Дэвид Торо, Натаниэль Готорн, Генри Лонгфелло, Джордж Банкрофт, Уильям Прескотт. «Две различные грани британского общества породили на американской земле два независимых друг от друга аристократических класса – интеллектуальную аристократию Новой Англии и плантаторскую аристократию Юга» пишет М. Лернер [5, т.1, с. 32]. Однако эти интеллектуалы были менее специфичны, чем рассматриваемые в этой статье типы индивидов. Например, трансцендентализм Р.У.Эмерсона (1803-1882) представляет определенное романтическое направление. Его доктрина «доверия к себе» ставила человека (а не собственника) в центр мироздания [12, с. 76]. Но эта форма романтизма куда более элитарна и менее характерна для Америки, чем романтизм Фенимора Купера. Здесь явно просматриваются европейские корни (немецкий романтизм и идеализм), это направление имеет много аналогий и в русской религиозной философии 19 в. (подробное их сопоставление проводит Ст. Лаперуз [16]). Поэтому мы их подробно не рассматриваем.

Итак, США и Европа имеют одни и те же основные политические и экономические институты, систему образования (в Америке преподают европейскую систему знаний, европейские науки и искусства), спектр религий (до недавнего времени весь разнообразный спектр религиозных течений в Америке не выходил за рамки христианско-иудейских направлений, характерных и для Европы (при этом различие между христианством и иудаизмом в Америке скрадывается тем, что, с одной стороны, очень широк спектр христианских течений, а с другой стороны – центральная для Америки «пуританская этика отвечала более духу Ветхого, чем Нового Завета, акцент делался больше на справедливости Бога, чем на Его любви» [17]), но особо важно для нас то, что ее смысловое цивилизационное «культурное ядро» не выходит за рамки «рыцарско-бюргерских» смыслов и идеалов, характеризующих европейскую (западную) цивилизацию (Америка, в отличие, скажем, от Франции, – считается религиозной страной в том смысле, что большинство населения причисляет себя к той или иной религии и конфессии, здесь не принято публично афишировать отсутствие веры в бога, во всяком случае, это не может позволить себе политик,

который хочет быть избранным, но все равно, как и в Европе, основа цивилизационной уникальности остается светской).

Бюргерская компонента в наиболее чистом виде была представлена пуританами Новой Англии, ставшими практичными и преуспевающими янки. Эта линия была доминирующей в становлении США. «Рыцарская» компонента в наиболее чистом виде культивировалась в южных штатах, но и там к ней была примешана бюргерская компонента (кроме того, после Гражданской войны влияние Юга сильно ослабело). Приблизительно то же можно сказать о героях фронта, в первую очередь, о ковбое.

Идеал «self made man» в значительной степени близок рыцарскому идеалу «сам себе право и сам себе защита этих прав», но тоже смещен в бюргерскую сторону успеха. Культ успеха, безусловно, – одна из главных составляющих «бюргерской» системы смыслов и идеалов («американская мечта» – вполне бюргерская утопия). Кроме того, идеал «self made man» уравновешен «бюргерской общиной» – важнейшей составляющей американской жизни (в несколько ослабленном в мегаполисах виде, но по-прежнему живой). К «бюргерской» компоненте принадлежит и представление, что «правители могут распоряжаться только теми нашими правами, которые мы передали им». Все эти элементы имеют яркую американскую окраску, но четко выраженную европейскую основу.

Если полученную картину американской субцивилизации сравнить с Россией [10; 11] то, в первую очередь, бросаются в глаза два отличия, о которых говорилось по ходу изложения. Тип индивида в России смещен в

идеалистическую и «рыцарскую» сторону, а в США – в прагматическую и «бюргерскую». В России личность ориентируется чаще на подвиг, чем на успех. Во многом это связано с тем, что российская высокая культура, расцвет которой приходится на вторую половину XIX – начало XX в., формировалась на основе дворянской культуры, корни которой в европейской «рыцарско-дворянской» составляющей. По типу общественных институтов на макроуровне Россия принадлежит к «приказным» системам, основанным на «вертикали власти», где системообразующим является не общество, а государство. Запад и особенно ярко США, принадлежат к «договорным» системам, где все наоборот. Столь же разительно крестьянская община или колхоз отличаются от американской «буржуазной общины».

Итак, специфика субцивилизационной общности США задается сегодня системой базовых смыслов и идеалов, заложенных в XVII-XIX вв. и тесно связанных с процессом эмиграции и заселения «нового» материка: «self made man», соревновательность и культ успеха, «американская мечта» (которая, по-прежнему, достаточно часто реализуется, что демонстрируют карьеры Била Гейтса, Билла Клинтона и многих других). Остаются объединяющие всех вера в зафиксированные в Декларации «прирожденные и неотъемлемые права», к числу которых принадлежат *жизнь, свобода и стремление к счастью* (а не собственности, как у Локка) и вера в особое предназначение Америки, в которую входит убеждение, что Америка является оплотом свободы и демократии. При этом культурное ядро США смещено, по сравнению с Европой, в сторону бюргерских идеалов.

Библиография:

1. Бурстин Д. Американцы: колониальный опыт. М.: «Прогресс» – «Литера», 1993.
2. Бурстин Д. Американцы: национальный опыт. М.: «Прогресс» – «Литера», 1993.
3. Бурстин, Д. Американцы: демократический опыт. М.: «Прогресс»-«Литера», 1993.
4. Вевьерка М. Формирование различий // Социс. Социологические исследования : Научный и общественно-политический журнал . – М. : Наука, 08/2005 . – N8 . – С.13-24.
5. Лернер М. Развитие цивилизации в Америке, Образ жизни и мыслей в Соединенных Штатах сегодня. Т.1-2. М.: Радуга, 1992
6. Липкин А.И. К вопросу о понятиях национальной общности и национального «культурного ядра» // Вестник российской нации, 2012, № 4 – 5, с. 155-176.
7. Липкин А.И. К эволюции мультикультурных обществ. (Межцивилизационные аспекты в условиях глобализации) // От рисков нестабильности к устойчивому развитию. Часть II. Дилеммы мультикультурализма и национализма. М.: ИЕ РАН, 2011.
8. Липкин А.И. Субцивилизационная специфика США. 1. Американский индивидуализм // Культура и искусство. – 2014. – № 6. – С. 618-633. DOI: 10.7256/2222-1956.2014.6.13365.

9. Липкин, А.И. «Духовное ядро» цивилизационной общности // «Синтез цивилизации и культуры». Международный альманах. М. : ИНИОН РАН, 2004.
10. Липкин, А.И. «Духовное» и «политическое» «ядра» «локальной цивилизации» и их столкновение в истории России. Препринт WP17/2012/01 Серия WP17. Научные доклады Лаборатории сравнительного анализа развития постсоциалистических обществ М.: ВШЭ, 2012. http://www.hse.ru/data/2012/04/10/1251631302/WP17_2012_01_f.pdf.
11. Липкин, А.И. Россия между несовременными «приказными» институтами и современной демократической культурой // «Мир России» 2012 (4) с. 40-62.
12. Морозова, Т.Л. Спор о человеке в американской литературе. М.: Наука, 1990
13. Токвиль, А. де. Демократия в Америке. М. : Прогресс, 1992.
14. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М. :Транзиткнига, 2004.
15. Шлезингер А.М. Циклы американской истории. М.: Прогресс, 1992.
16. Lapeyrouse, St. L. Towards the Spiritual Convergence of America and Russia: American Mind and Russian Soul, American Individuality and Russian Community, and the Potent Alchemy of National Characteristics. Calif. 1990.
17. Persons S. American Minds. A history of Ideas. Univ of Iowa. 1983
18. Robertson W. The History of America, vol. III. London, 1821

References (transliterated):

1. Burstin D. Amerikantsy: kolonial'nyi opyt. M. : «Progress» – «Litera», 1993.
2. Burstin D. Amerikantsy: natsional'nyi opyt. M.: «Progress» – «Litera», 1993.
3. Burstin, D. Amerikantsy: demokraticeskii opyt. M.: «Progress»-«Litera», 1993.
4. Vev'erka M. Formirovanie razlichii // Sotsis. Sotsiologicheskie issledovaniya : Nauchnyi i obshchestvenno-politicheskii zhurnal . – М. : Nauka, 08/2005 . – N8 . – S.13-24.
5. Lerner M. Razvitie tsivilizatsii v Amerike, Obraz zhizni i myslei v Soedinennykh Shtatakh segodnya. T.1-2. M.: Raduga, 1992
6. Lipkin A.I. K voprosu o ponyatiyakh natsional'noi obshchnosti i natsional'nogo «kul'turnogo yadra» // Vestnik rossiiskoi natsii, 2012, № 4 – 5, s. 155-176.
7. Lipkin A.I. K evolyutsii mul'tikul'turnykh obshchestv. (Mezhtsivilizatsionnye aspekty v usloviyakh globalizatsii) // Ot riskov nestabil'nosti k ustoichivomu razvitiyu. Chast' II. Dilemmy mul'tikul'turalizma i natsionalizma. M.: IE RAN, 2011.
8. Lipkin A.I. Subtsivilizatsionnaya spetsifika SShA. 1. Amerikanskii individualizm // Kul'tura i iskusstvo. – 2014. – № 6. – S. 618-633. DOI: 10.7256/2222-1956.2014.6.13365.
9. Lipkin, A.I. “Dukhovnoe yadro” tsivilizatsionnoi obshchnosti // «Sintez tsivilizatsii i kul'tury». Mezhdunarodnyi al'manakh. M. : INION RAN, 2004.
10. Lipkin, A.I. «Dukhovnoe» i «politicheskoe» «yadra» «lokal'noi tsivilizatsii» i ikh stolknovenie v istorii Rossii. Preprint WP17/2012/01 Seriya WP17. Nauchnye doklady Laboratorii sravnitel'nogo analiza razvitiya postsotsialisticheskikh obshchestv M.: VShE, 2012. http://www.hse.ru/data/2012/04/10/1251631302/WP17_2012_01_f.pdf.
11. Lipkin, A.I. Rossiya mezhdru nesovremennymi «prikaznymi» institutami i sovremennoi demokraticeskoi kul'turoi // “Mir Rossii” 2012 (4) s. 40-62.
12. Morozova, T.L. Spor o cheloveke v amerikanskoj literature. M.: Nauka, 1990
13. Tokvil', A.de. Demokratiya v Amerike. M. .: Progress, 1992.
14. Khantington S. Kto my? Vyzovy amerikanskoj natsional'noi identichnosti. M. :Tranzitkniga, 2004.
15. Shlezinger A.M. Tsikly amerikanskoj istorii. M.: Progress, 1992.
16. Lapeyrouse, St. L. Towards the Spiritual Convergence of America and Russia: American Mind and Russian Soul, American Individuality and Russian Community, and the Potent Alchemy of National Characteristics. Calif. 1990.
17. Persons S. American Minds. A history of Ideas. Univ of Iowa. 1983
18. Robertson W. The History of America, vol. III. London, 1821